

История одного отчисления

СЕМИНАРСКАЯ БЫЛЬ ВРЕМЕН «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ»

«Хрущевская оттепель» — так с легкой руки шести-десятников стали называть период отечественной истории, начавшийся после шокирующей критики культа личности на XX съезде КПСС в 1956 году и продлившийся до снятия Н.С.Хрущева на Покров 1964 года со всех руководящих постов. Действительно, в то время ветерок либерализма подул в обществе, что особенно порадовало демократически настроенную интеллигенцию. Повесенному зазвучала бумажная капель журналистов, наперегонки спешивших откреститься от мрачной зимы сталинизма. Открылись ворота тюрем, и вместе с их невинными узниками на свободу вывалились тысячи закоренелых уголовников.

Хрущева называли «последним революционным романтиком». Несмотря на то, что это был очень расчетливый и прагматичный человек, он искренно верил в возможность скорейшего построения коммунизма в отдельно взятом государстве и обещал своему поколению райскую жизнь в этом утопическом обществе. Никаких альтернатив учению Маркса — Энгельса — Ленина он не собирался терпеть в своей стране. Поэтому дни религии, по его мнению, были сочтены. «В конце 80-х годов я покажу вам фотографию последнего попа», — самоуверенно обещал Никита Сергеевич. Но Бог судил иначе.

СОВЕТСКАЯ АГРОНОМИЯ ДУХОВЕНСТВА

Во все времена, благоприятные и не очень (в последнее, может, даже больше), Господь призывает на Свою ниву делателей. И никто — ни нероны, ни ленины, ни хрущевы — не помешают Ему стучать в горящие жаждой веры сердца, а тем — отверзать двери своей души навстречу Христу. Несмотря на несладкие условия сталинского времени, после возобновления деятельности Московских Духовных Школ в 1944 году, сотни писем ежегодно направлялись туда от желающих приобщиться к сокровищнице духовного образования, посвятить свою жизнь Церкви. Численность учащихся МДАиС непрерывно росла. В 1959 году училось наибольшее количество студентов за все послевоенное время: в МДА — 106 человек, в МДС — 169 человек. В дальнейшем их численность начинает сокращаться. Именно с 1959 года,

когда произошли кадровые перестановки в Совете по делам РПЦ («кэзгэбэшника» Г.Г.Карпова сменил парт-аппаратчик В.А.Куроедов), начинается жесткое административное давление на духовные учебные заведения с целью не допустить в них молодежь. Наиболее талантливые, думающие и образованные кадры отсеивались. «С конца 1950-х годов начала осуществляться целенаправленная политика по качественному изменению состава духовенства»¹. Правительство поставило задачу: «селекционировать нового, советского попа» — неразвитого, забитого, во всем послушного властям.

Сформировалась невиданная ранее репрессивная машина, призванная не допустить образованное юношество в духовные школы. Работала она следующим образом. Молодой человек делал запрос в семинарию с целью узнать правила приема в нее. Руководство семинарии было обязано проинформировать своего уполномоченного о таких лицах. Уполномоченный в срочном порядке пересылал списки в центр, в Совет по делам РПЦ. Инспекторский отдел Совета, курировавший деятельность духовных школ, отправлял извещение об этом молодом человеке уполномоченному того региона, откуда поступал абитуриент. В нем говорилось, что такой-то (имярек) подал заявление о приеме в такую-то семинарию, далее следовало: «Информируя о вышеизложенном, прошу Вас принять через местные партийные и советские органы соответствующие меры по предотвращению поступления его в семинарию. Кроме того, сообщите (если располагаете) о наличии компрометирующих материа-

¹ М.В.Шкаровский. РПЦ при Сталине и Хрущеве. М. 1999, стр. 378.

лов, которые могли бы послужить препятствием к зачислению его в это учебное заведение»¹.

На местах комсомольские и партийные организации немедленно начинали травлю такого юноши, советские органы не выдавали паспорт или не выписывали с места жительства, военкоматы не снимали с воинского учета. Работники КГБ вызывали желающего учиться к себе, отговаривали от поступления, угрожали, запугивали. В октябре 1962 года Совет с удовлетворением рапортовал в ЦК КПСС, что из 560 юношей, подавших в 1961–1962 гг. заявления о приеме в семинарии, 490 в результате «индивидуальной работы» их забрали².

Но если, преодолев все преграды, абитуриент все-таки поступал в семинарию, это не означало, что мытарства окончены. Органы могли достать его и здесь. Непоравившегося студента власти могли не прописывать по месту учебы, требовать от ректора семинарии его отчисления, публиковать в прессе клеветнические статьи. В результате всего этого количество духовных школ в СССР и число их учащихся резко сокращалось. Были закрыты Киевская, Саратовская, Ставропольская, Минская и Волынская Духовные Семинарии. Численность студентов дневных отделений всех семинарий и академий страны снизилась с 1280 человек в 1958 году до 652 в 1963 году. В МДАиС численность студентов с 1959 по 1961 год сократилась с 275 до 208 человек³.

Все это, конечно, цифры... Но за каждой из них стоит живая христианская душа, стремящаяся послужить Богу и Церкви. Скольких грамотных, пламенеющих верою пастырей лишилась наша Церковь, виной чему послужила хрущевская машина административных репрессий. «Смерть одного человека это трагедия, а смерть миллионов — это статистика». К сожалению, мы зачастую воспринимаем историю только как статистику, забывая, что за каждым событием стоит человеческая судьба.

Во время работы в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ) с документами Совета по делам Русской Православной Церкви среди моря цифр и отчетов нами были обнаружены материалы, которые контрастировали с другими документами Совета. Перед нашими глазами развернулась история одной жизни, похожая на роман. Мы обратились также к фондам архива МДАиС. Так родилась статья о семинаристе, который учился в самые тяжелые годы хрущевских гонений — с 1960 по 1964.

БРЯНСКИЕ ДЕБРИ

Мелетий Платонович Романенко, о котором пойдет рассказ, родился 18 февраля 1928 года в селе Кирилловка Климовского района Брянской области. В семье он был десятым ребенком. Отец, бедный сельский каменщик, схоронил сначала одну свою супругу, затем снова

женился, но и она умерла, оставив ему детей. Мать Мелетия была третьей женой Платона Романенко. Через восемь месяцев после рождения мальчика преставился отец. Положение несчастной женщины оказалось очень тяжелым — одна, без кормильца-супруга, с младенцем на руках, и уже не молодая — ей минуло 48 лет. У нее росли еще дети от первого мужа; именно среди них — братьев «другого рода» — и суждено было воспитываться Мелетию. Все заботы о детях легли на плечи матери.

С ранних лет, несмотря на тяжесть безотцовского детства в многодетной семье, у ребенка появляется тяга к учению. В 6 лет он идет в сельскую школу. Мать была верующая и сумела дать правильное христианское мироощущение своим детям, и мальчик узнал, что такое хорошо, и что такое плохо, не из стихов В. Маяковского. Это было время, когда молодежь страны Советов распевала: «Долой, долой монахов, долой, долой попов...», вождь «воинствующих безбожников» Емелька Ярославский, он же Миней Израилевич Губельман, был в фаворе. Тем не менее это не повлияло на духовное становление юного Романенко, с ранних лет он отличался мужественным характером и не скрывал свою веру. Уже тогда в нем зародилась мечта о духовном образовании.

Семилетнюю школу он закончил в год начала Великой Отечественной Войны. Брянская область и его родное село скоро оказались на оккупированной фашистами территории. Началось партизанское движение. Както раз партизанский отряд нанес ощутимый урон немецкому гарнизону. «Сверхчеловеки» решили выместить зло на мирном населении. Для этого была выбрана Кирилловка. Спустя несколько дней после партизанской акции каратели подожгли село. Беззащитных крестьян стали загонять в колхозную деревянную мельницу, когда здание наполнилось людьми до предела, крупорушку подожгли... Так погибли все родственники Мелетия.

«В тот тяжелый мартовский день 1942 года мы остались только с матерью-старушкой, которой в то время было 62 года, а мне 14 лет. Остались без куска хлеба и кровя над головой. Не описать всех трудностей, пережитых в те дни и годы — нищета и голод. И весь наш народ переносил тяготы и лишения, печаль и утрату дорогих и близких...»⁴

Война и послевоенная разруха не позволили жаждущему знаний юноше продолжить свое образование. Необходимо было просто выжить, прокормить мать, не умереть с голоду. До 1949 года работал в колхозе. Когда пришла пора служить в армии, то не на кого было оставить мать, и Мелетий женился на своей односельчанке. Из армии вернулся в 1953 году, мать дождалась его, но спустя месяц после его демобилизации оставила этот мир.

Мать и сын получали пастырское окормление у священника из соседней, Черниговской области. Батюшка давно приглядывался к толковому юноше и после армии даже предлагал ему подучить службу и принять сан, но тот отказался. «Я решил и мечтал издавна поступить и

¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 312.

² М. В. Шарковский. РПЦ при Сталине и Хрущеве. М. 1999, стр. 376.

³ По документам ГАРФа. Ф. 6991, оп 2, дд. 310–312.

⁴ Архив МДАиС. Из автобиографии.

*Ректор Московских Духовных школ,
протоиерей Константин Ружицкий*

окончить духовное училище»¹. Мелетий Платонович устраивается на маслозавод, оканчивает курсы сепараторщиков. На этом производстве он проработал до 1956 года, когда снова вернулся в колхоз разнорабочим. В 1954 году у него родился сын, а в 56-ом — дочь, но мечта о духовной школе осталась.

КУДА СТУПАЕШЬ ТЫ, МЕЛЕТИЙ РОМАНЕНКО?

В начале 1960 года наш герой пишет письмо в Московскую Духовную Семинарию с просьбой выслать правила приема. Начиналось оно так:

«С Новым годом. С торжеством Христовых праздников поздравляю весь сан и духовенство Вашей Семинарии!

Ректору Семинарии — духовному отцу...

Пресвятейшии отцы мои Русской Православной Церкви, прошу вас, с получением сего ответить на мое прошение...»

Окончание письма не менее торжественно: «Желаю добрых благ и хорошего здоровья всему обучающему священству и величайшему руководителю вашей Духовной Семинарии».

6 февраля канцелярия МДА высылает в Кирилловку запрошенные правила. Но неожиданно 8 апреля в Московские Духовные Школы приходит новое письмо от М.П.Романенко, в котором он просит вернуть его запрос, что и было исполнено. Причина, указанная в письме, — работа в государственном учреждении. Что же заставило молодого человека так быстро поменять решение?

Вероятно, то, с чем он столкнулся, как только заявил о желании учиться в Семинарии, настолько его шокировало, что толкнуло взрослого и мужественного человека на попятную.

В колхозе с его верой мирились до поры до времени, пока она не проявлялась открыто, не портила району показатели по борьбе с религией. Но желание учиться в Семинарии потерпеть не могли. Романенко вызывают во все инстанции, «ведется индивидуальная работа», сельсовет отказывается давать справку о семейном положении, школа — свидетельство об образовании.

Но не такой это был человек, чтобы отступить перед трудностями. 26 июня Мелетий вновь пишет письмо в канцелярию Семинарии, в котором объясняет, что вынужден был просить свой запрос обратно, но... «Несмотря на все мои переживания и невзгоды, по милости Божией, я продолжаю подготовку для сдачи экзаменов.

Подробности о случившемся описать не могу, кроме личных переговоров...»

Если бы знал Мелетий Платонович, что все его «переживания и невзгоды» только еще начинаются, кто знает, как бы он поступил тогда. Господь, зная нашу немощь, не открывает нам будущего, чтобы мы не впали в уныние и отчаяние.

За перепиской Мелетия с Семинарией внимательно следили. Своим новым письмом незадачливый абитуриент окончательно разозлил местные органы, которые полагали, что уже сломали его стремление к духовной школе.

Районная газета «Колхозный путь» помещает на своих страницах большую статью: «Тружеником быть на земле. Открытое письмо Мелетию Романенко». Писал якобы заслуженный пенсионер Агафон Дмитриевич Чеботарев из села Митьковки, прослышавший о странном желании советского колхозника учиться в Семинарии. «Допустим, ты станешь священником. Что ты оставишь после себя? Ты принесешь людям только вред: молитвами, религиозным дурманом будешь забивать головы людям, отвлекать их от созидательного труда. Неужели тебя прельщает такая роль в обществе? Я уверен, Мелетий, что твои родные и близкие, которых немцы заживо сожгли в крупорушке, не одобрили бы твоего поступка».

¹ Архив МДАиС. Из автобиографии.

24 июля того же года областная газета «Брянский рабочий» опубликовала статью «Куда ступаешь ты, Мелетий Романенко?» Журналисты даже не скрывали, что за перепиской советских граждан ведется наблюдение: «Много писем перебудет за день в почтовом ящике... Но что это? Москва, духовная академия; Минск, духовная семинария. Да, и такие письма бывают. Их ничтожно мало, но все-таки они есть, и пишут их люди, живущие с нами рядом».

Из этого шедевра журналистики мы узнаем, что Романенко, оказывается, собирается поступать в Минскую Духовную Семинарию. Что это — неосведомленность? Нет, просто под рукой в редакции «Брянского рабочего» оказалась статья из «Грозненской правды», «открывающая глаза миру» на ужасы, творящиеся в Жировицком монастыре и Семинарии, которые, по словам газеты, «превратились в сборище уголовников, морально падших людей, отбросов нашего общества». Приводятся «вопиющие факты» с намеками и цифрами. Полагаю, что сегодня, на рубеже веков, редакция «МК» заплатила бы хорошие деньги журналисту, написавшему такой пасквиль. В то время государство вело борьбу за закрытие Минской Семинарии, и в 1964 году оно победило в этой борьбе. А тогда, в 60-м, «Брянский рабочий» охотно перепечатал ходовую статью, а то, что наш герой подавал заявление в другую семинарию... да какая разница. Дойдут и до нее руки в свое время.

Статьи были предназначены для публики, «чтоб другим неповадно было». Самого же молодого человека вновь затаскали по всем инстанциям, требуя отречения.

15 августа он пишет в МДС, сообщая о своем твердом желании поступить в духовную школу: «В эти дни местными и районными властями я был подвергнут, кроме печати, самой строгой...»¹

Но, отвергая все угрозы и наказания, я твердо решил поступать по избранному пути на служение Господу Богу... Поэтому прошу Ваше Величество и Преосвященство выслать мне вызов. Решение мое есть твердое и бесповоротное, разве только буду схвачен и задержан в канун экзаменов».

1 сентября Мелетий Платонович Романенко прибывает в Свято-Троице-Сергиеву Лавру, успешно выдерживает испытательные экзамены, и его зачисляют в 1-й класс Московской Духовной Семинарии.

Казалось, что все невзгоды остались в прошлом, ведь он среди своих — православных христиан.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Председатель колхоза «Красный Октябрь» товарищ Горелый был в негодовании. Из-за этого «сумасбродного Романенко» в Климовском райкоме партии ему поставили на вид плохую работу с молодежью. Он был оскорблен, унижен, подавлен. «Так я этого не оставляю», — решил он. Благо, у него остались «заложники» — жена и

дети Романенко, именно на них и решил он выместить свой гнев.

Колхозница Ольга Михайловна Романенко, в девичестве Пацунова, после отъезда мужа на учебу в Семинарию по-прежнему работала в колхозе. Но отношение к ней председателя изменилось. На селе председатель чувствовал себя полновластным царьком, денег в колхозе отродясь не выдвали, зарплату получали продуктами, и этот незначительный продуктовый паек он сокращает у несчастной матери. Ей приходится претерпевать бесконечные оскорбления и издевательства от председателя и его прихлебателей. Жизнь Ольги Романенко стала подобна каторге. Но товарищ Горелый не уgomонился, решив окончательно изжить ее из колхоза или уморить голодом.

11 апреля 1961 года решением правления колхоза приусадебный участок О.М.Романенко, который был единственным средством существования, сократили с 32-х до 5-ти соток. Односельчане пытались защитить матушку, но где там. Она сама пошла на поклон к хозяину села. «Убирайся из колхоза, поезжай к своему мужу. Я сгною тебя здесь», — так встретил ее новый барин.

Не выжить в деревне одинокой женщине с двумя малолетними детьми без средств к существованию, имея только 5 соток земли.

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ

Подсказали добрые люди обратиться в Москву к верховным властям, рассказать «доброму Царю-батюшке» о том, какие беззакония творятся в глубинке. Ольге муж посоветовал писать жалобы с предосторожностями, чтобы не навлечь на себя гнев всемогущих властей. Так она и сделала, написав одно письмо в Верховную Прокуратуру, а другое в Верховный Совет СССР. Рассказывая о притеснениях со стороны местных властей за мужа-семинариста, она писала: «От затей о поступлении моего мужа в Духовную Семинарию я не могла отговорить, не могли убедить его в этом и другие работники района и парторганизации. Я честно трудилась в колхозе, и на моем воспитании остались дети; разве я могу быть ответчиком за моего мужа...» Мелетий Платонович разрешил супруге представить дело так, будто она безвинно страдает из-за мужа, на самом же деле Ольга Михайловна никогда не отговаривала его от принятого решения.

Когда из Верховной Прокуратуры спустили в Климовск официальное письмо и семье Романенко дали под огород еще 10 соток, казалось, «лед тронулся» — есть правда на свете. Но что такое 15 соток в деревне?

Сам Мелетий не остается безучастным к судьбе своей семьи и пишет жалобу в Совет по делам РПЦ при Совмине СССР на имя председателя товарища В.А.Куроедова. Приводим ее полностью как яркий документ той поры:

«Уважаемый Владимир Александрович.

Как Вам известно, в Духовную Семинарию имеется пока свободный доступ со стороны советских граждан, и, по-видимому, она является свободным учебным заве-

¹ М. П. Романенко не осмелился сказать, чему он был подвергнут.

дением, равным со светскими учебными заведениями. А поэтому учащиеся должны пользоваться такими же правами, как и в других вузах. Я — Мелетий Романенко из с. Кирилловки Климовского района Брянской области. Данных о себе, я думаю, описывать не следует, так как у вас, по-видимому, известно все о каждом нашем учащемся. Человек я семейный. Имею на своем иждивении двух малолетних детей 5 и 7 лет. После моего поступления в МДС дети остались на попечении жены, которая работает в колхозе «Красный Октябрь». За то, что я поступил учиться в Духовную Семинарию, местные органы власти обрушили удар на мою семью. В течение года моего отсутствия председатель колхоза жену мою лишил всех прав как члена колхоза, несмотря на то, что она трудилась не хуже других колхозников. Он отобрал приусадебный участок, поносил ее грязными словами, угрожал изгнать из села.

Какое преступление с моей стороны, что я учусь в Духовной Семинарии? Почему женщина должна нести ответственность за своего мужа? Почему у детей отбирают кусок хлеба? Где же права и свободы?

Мелетий Романенко 5.V.61.»¹

Во всех эшелонах власти — от председателя сельсовета до Верховного Совета страны — эти попытки защитить поправленные «права и свободы» вызвали бешеную ярость. За такую выходку следовало строго наказать. «Жаловаться вздумал на Советский строй, и кто — христианин, поп».

Из Совета по делам РПЦ направили копию этого заявления в Брянский облисполком с просьбой проверить указанные факты. Из Брянска пришел ответ от уполномоченного Совета по этой области тов. С.Мелеша. Естественно, после проверки выяснилось, что «факты, изложенные Романенко... не соответствуют действительности».

Мелетия дважды вызывали в Совет «для беседы по существу поданной им жалобы». Несмотря на все попытки убедить Романенко в Совете, что права его семьи «в связи с тем, что он поступил учиться в МДС, никто не ущемлял и не ограничивал», «выяснилось, что он не удовлетворен ответами на его вопросы, не согласен с ними и поэтому оставляет за собой право апеллировать в вышестоящие органы».

ПЛЕТЬЮ ОБУХА НЕ ПЕРЕШИБЕШЬ

Мелетий Платонович еще не знал, с какими монстрами он связался.

19 мая 1961 года газета «Известия» вышла с громкой статьей «Я отрекаюсь от него». Это была реакция Верховного Совета на жалобу Ольги Михайловны Романенко. Как известно, газета «Известия» являлась печатным органом Верховного Совета, который и заказал этот компромат своим журналистам. Те ловко переработали жалобу на председателя колхоза в антирелигиозное письмо в газету.

«Церковь отняла у меня мужа, у детей — отца... Я хотела и не могла его удержать от поступления в Семинарию, но кто-то ведь выдал ему нужные документы. Я отрекаюсь от такого мужа, который променял на поповские бредни своих детей.

Ольга Романенко».

От себя редакция «Известий» добавила: «Как же так могло получиться, товарищи партийные и советские руководители Климовского района? Ведь упустили человека, не сумели отстоять его, вырвать из цепких рук церковников. Плохо, значит, боролись за него. Успокоились на том, что опубликовали не очень убедительную статью в газете? Рано успокоились».

До какой степени цинизма нужно дойти, чтобы обратиться мольбу о помощи в оружие против просящего ее.

Через две недели, 5 июня, «Известия» выпускают новую утку под названием «Он был моим другом». Некто И.Романенко, якобы односельчанин Мелетия, причитает: «Мелетий! Почему забыл друзей и семью? Почему молчит теперь твоя совесть? Разве тебе место в Семинарии? Да разве в наше время задурманивают себе головы поповскими бреднями? Я надеюсь, ты еще одумаешься и вернешься в родное село, к жене и детям. Хочется думать, что и местные общественные организации извлекут из этого случая для себя урок».

Мелетий Романенко знал, что это подлог. Будучи человеком горячим, он не мог равнодушно снести такого оскорбления, сел за перо и написал роковое для себя письмо в редакцию «Известий». Среди прочего он писал: «Семью я свою не оставил беспризорной. Но местные органы власти поступают несправедливо, вот жена и написала жалобу, но почему эта жалоба извращена в виде статьи — мне неясно?.. Вот я, из далекой глухой деревни попал в это культурное, примерное для всех общество. Буду я попом или не буду — это дело моей совести, дело предстоящего времени, грядущего в коммунизм. Смогу ли я заслужить такую честь — это для меня еще неизвестно...

Но я нисколько не унижаюсь тем, что вы прославили мое имя по всей стране, а даже с гордостью смотрю в глаза совести...

Нужда заставила мою жену писать в высшие органы Советской власти. Не духовные отцы разоряют семейную жизнь, а тупоголовые руководители в далеких деревнях, глушащие свободу темных колхозников...

С теми будьте здоровы.

С приветом воспитанник МДС М.Романенко».

Из газеты письмо отправили в Совет по делам РПЦ. Вопросы, связанные с духовными школами, решал старший инспектор Совета тов. М.Овчинников. Именно к нему на стол легло это письмо Мелетия. И он решил: «С Романенко надо кончать».

Товарищ Овчинников был опытный специалист в своей области. Он представил душеизлияния вчерашнего колхозника самому Н.С.Хрущеву и зацепился в них за его слова о том, что Мелетий еще не знает, будет он священником или нет. Этого было достаточно.

¹ ГАРФ. Ф. 6991, оп. 2, д. 310.

Пострижение во чтеца перед диаконской хиротонией

Овчинников пишет ректору МДАиС протоиерею К.Ружицкому: «В заявлении на имя тов. Н.С.Хрущева Романенко писал: "Хочу прямо сказать, что в попы в наше время я не собираюсь"».

Учитывая, что Романенко поступил в МДС из корыстных соображений, а также его нетерпимое поведение, выразившееся в рассылке в партийно-советские инстанции клеветнических измышлений в адрес местных органов власти, считал бы целесообразным рекомендовать ректору МДС о его отчислении из Духовного учебного заведения».

Уже после летних каникул в документах Совета появляется следующая справка «Протоиерей К.Ружицкий обещал семинариста Романенко исключить из Семинарии. 17.VIII.1961. М.Овчинников».

Последняя запись, касающаяся нашего героя, в Государственном Архиве Российской Федерации гласила: «Романенко из Семинарии отчислен. 1.X.61. М.Овчинников.»

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

«Глубокоуважаемый, дорогой отец Ректор! Как все же тяжело и прискорбно я переживаю эти события, скрывая печальную весть от своих товарищей, в связи с Вашим предложением покинуть мне пределы этой духовной обители и курс начатого мною учения в Духовной Семинарии, куда стремился я из года в год, куда с большими трудностями смог поступить только благодаря своей находчивости, за что я претерпел насмешки и унижения, клевету и оскорбления; и вдруг, ни с того, ни с сего, я должен покинуть на добровольных началах свой начатый путь! В жизни я встречал, встречаю и буду встречать всевозможного рода преграды и бездны, буду ломать и перепрыгивать их, буду возноситься к высшему, духовному... Отец Ректор, Вы решили избавиться от меня без основательной на то причины, толкнули меня в бездну, дабы иметь покой душе своей. А куда же мне теперь идти? Ведь для меня теперь путь в мирскую жизнь

отрезан...» Так писал в объяснительной на имя ректора протоиерея К.Ружицкого воспитанник 2-го класса Московской Духовной Семинарии Мелетий Платонович Романенко 13 сентября 1961 года. На следующий день отец Константин подписал распоряжение (на семинарском жаргоне «тропарь»): «Отчислить из состава учащихся 2-го класса МДС Романенко Мелетия согласно поданному прошению».

Как известно, протоиерей Константин Ружицкий, управлявший Московскими Духовными школами в очень непростое для всей Русской Церкви время — с 1951 по 1964 год, — был очень дипломатичный человек. Он умело лавировал в узком фарватере сложных церковно-государственных отношений, и ради этого иногда приходилось идти на жертвы. Но в данном случае нам не стоит упрекать отца ректора в желании отделаться от Романенко ради своего спокойствия. Ружицкий был умный политик, он знал, что следует выждать, пока утихнет эта буря в стакане. Тем временем он устраивает своего бывшего подопечного в качестве рабочего, или послушника, в лаврскую трапезную. Днем Мелетий работал на кухне, а ночами занимался по семинарской программе, не теряя надежды на восстановление. Отец Константин был прав, полагая, что, добившись исключения, Совет по делам РПЦ вскоре забудет о беспокойном студенте. Он и сам не сидел сложа руки. Не прошло и месяца со дня исключения, как Мелетий пишет жалобу на имя Святейшего Патриарха Алексия (Симанского). В ней он описывает, с какими сложностями ему пришлось столкнуться при поступлении в Семинарию, что претерпела его жена, какие скорби он сам понес после злополучной газетной публикации, но жена от него никогда не отрекалась, летом они в мире и дружбе провели его каникулы.

«Но вот по прибытии во 2-ой класс МДС отец Ректор заявил, что было ему указано свыше: на каком основании духовные отцы держат в своей школе семейного человека, который оставил семью, где жена воплем взывает о помощи? А ведь это все подлог и клевета с той целью, чтобы любыми способами вырвать человека из духовной школы.»

И вот 15 сентября сего года отец Ректор предложил мне «временно отступить», то есть уйти из Семинарии на добровольных началах, иначе он вынужден будет со временем искать причину, чтобы по таковой уволить меня навсегда.

И, внимая совету отца Ректора, я написал прошение, но когда я получил расчет, то оказалось, что Учебный Комитет об этом ничего не знал. В настоящее время я несу послушание в Троице-Сергиевой Лавре, не прекращая почерпывать знания, преподающиеся во 2-м классе, через своих товарищей. Я обращаюсь к Вашему Святейшеству и прошу рассмотреть мою жалобу и восстановить меня учащимся семинарии, пока еще органы МВД не потребовали с меня выписки¹.

¹ Архив МДАиС. Письмо М.Романенко Патриарху Алексию (Симанскому)

ШКОЛА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

14 октября 1961 года последовала резолюция Его Святейшества: «Я полагаю, что следует удовлетворить просьбу Романенко и восстановить его учеником Духовной Семинарии».

Но эту радостную весть ему сообщили не сразу. Поэтому 29 октября Мелетий вновь пишет подобное прошение в педагогический совет МДАиС. Только в начале ноября пришел ответ, что он восстановлен в Семинарии.

8 марта 1964 года воспитанник 4-го класса Московской Духовной Семинарии Мелетий Платонович Романенко был хиротонисан во диакона, а 14 мая того же года в Московском храме в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» в Марьиной Роще — во иерея. Обе хиротонии совершил епископ Таллиннский и Эстонский Алексей, в настоящее время — Патриарх Московский и всея Руси.

После окончания Семинарии отец Мелетий был назначен настоятелем Благовещенской церкви г. Козельска Калужской епархии.

Более 20 лет прослужил он в этом храме — единственном в Козельске. В городе еще оставались насельницы разоренного Шамординского монастыря, которые и составляли костяк общины. О том, как проходило служение отца Мелетия, архивных данных нет, так как архив Калужского епархиального управления погиб во время пожара.

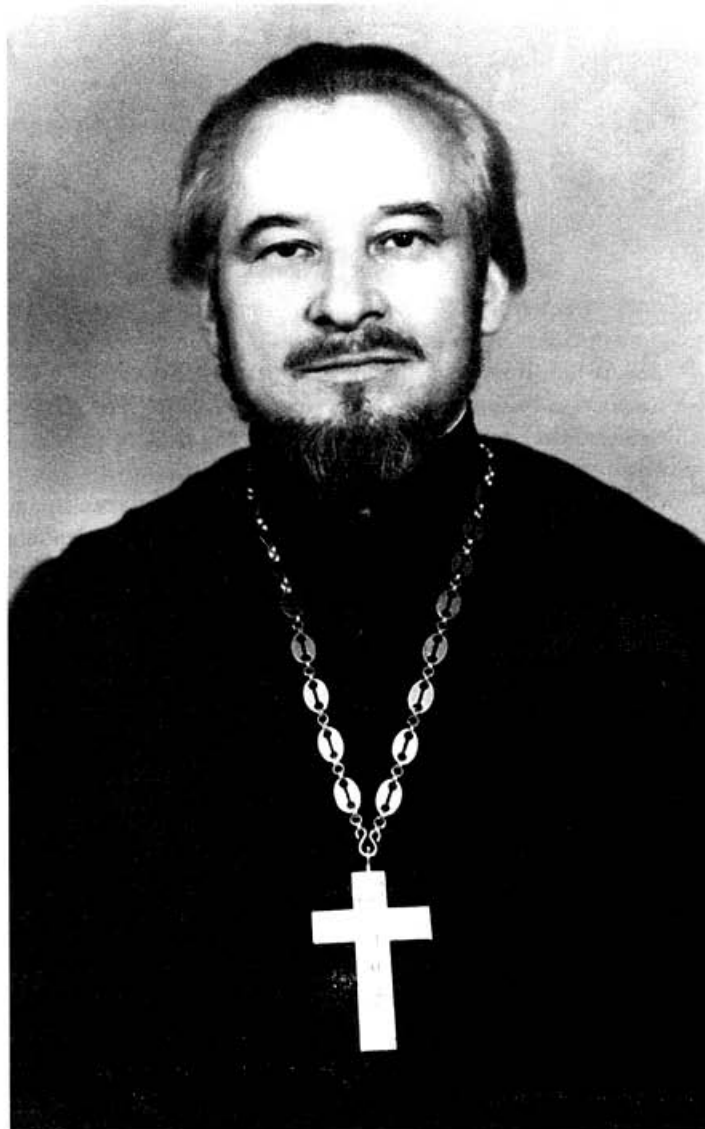
О жизни нашего героя после окончания семинарии нам написала его дочь, Антонина Мелетьевна Романенко. Мы выражаем ей огромную благодарность за помощь в подготовке статьи. «И нам, его детям, — пишет Антонина Мелетьевна, — приходилось испытывать на себе притеснения, оскорбления и насмешки не только от властей, но и от окружающих нас людей. Помню, я всегда была «попадьей», а братья — «попятами».

На протяжении всей жизни отец Мелетий поименно поминал всех своих братьев по Семинарии, со многими переписывался. Гонения не ожесточили его горячее сердце, не погасили в нем любви к людям, к Лавре преподобного Сергия, к Духовным школам. Об этом свидетельствуют его простые стихи о Лавре, которые прислала нам его дочь:

Загорск далекий, любимый город,
Ты сердцу близок, ты сердцу дорог,
Ты дорог мне тем, что за стеною
Хранишь святыню, без меры ценою.

В священной Лавре, за стеной
Другие люди и мир другой.
Там всюду зелень, и средь ветвей
Смотрятся в небо главы церквей.

Там ангелы душу мне очищают,
Там все о Боге напоминает,
Там место веры, души покой,
Там все мне близко и родно.

Последняя фотография протоиерея Мелетия

В конце 80-х годов батюшке пришлось перейти в Орловско-Брянскую епархию. Служил он в поселке Душатино Брянской области, недалеко от своей малой родины — села Климовки. Но проживали они с матушкой Ольгой по-прежнему в Козельске.

Скончался протоиерей Мелетий Романенко 5 октября 1990 года от сердечного приступа, возвращаясь домой после причащения больной. Он был похоронен, согласно завещанию, на кладбище поселка Душатино — там, где проходили последние годы его служения.

Жизнь отца Мелетия являет пример действительного исповедничества в условиях хрущевских гонений. Она показывает то, с чем неизбежно сталкивался в то время каждый христианин, желавший послужить Богу и Церкви. Многих из них уже нет рядом с нами. Вечная им память!

*Диакон Сергей Матюшин,
4 курс МДС*